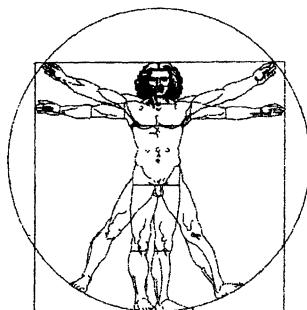

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ: ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Материалы Третьей Всероссийской научной конференции
(Липецк, 8—10 октября 2009 года)

Том II

Липецк
2011

А. Ю. Грязнова (Воронеж)

СЮЖЕТ СИРОТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

На протяжении многих веков человечество волновал вопрос о возможности существования совершенного мира. В 20-е годы XX века вера в то, что созидание «светлого будущего» находится в руках самого человека, становится краеугольным камнем советской идеологии. Пафос революционного переустройства мира, характерный для литературы того времени, не был чужд и А. Платонову. Однако если пролетарская литература вслед за официальной идеологией (в ее расхожем варианте) утверждала, что достаточно изменить общественный строй, чтобы сделать человека счастливым, то для Платонова непременным условием пересоздания мира были внутренние изменения, которые должны произойти в самом человеке. Уже первый поэтический сборник Платонова

«Голубая глубина» отражал двойственность позиции писателя, объединяя типично пролеткультовские стихотворения, «не знающие ничего интимного и лирического»¹, и произведения, героем которых является человек, пристально вглядывающийся в собственную душу и через нее ищущий единения с бытием. В дальнейшем эта тенденция становится определяющей: модель идеального мира А. Платонова основана на единстве социального и природного, индивидуального и общественного, на чувстве глубокого родства между человеком и всем, что его окружает. Сюжет же, в основе которого лежит обретение искомого идеала, ввиду специфики платоновского творчества, можно обозначить как сюжет сиротства.

Если рассматривать сиротство в буквальном смысле потери ребенком родителей, то нетрудно заметить, что герой-сирота — один из наиболее часто встречаемых у Платонова персонажей: это Саша Дванов в романе «Чевенгур», Настя в повести «Котлован», герои рассказов «Такыр», «Уля», «Семен» и др. Однако сиротство у писателя не ограничивается социально-ролевым статусом. Так, Е. А. Яблоков одним из первых обратил внимание на философский смысл этого понятия: «Сирота для писателя — метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках. В философском смысле сиротство — знак неразвитости связей человека с миром. Но одиночество, сиротство — это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей»². Поэтому даже разрушение семьи — лишь метафорическое обозначение уничтожения гораздо более существенных, метафизических основ. Осознание сиротства как ненормального состояния, подлежащего исправлению, является переломным моментом, стимулирующим (как правило) героя к восстановлению «родства» с миром. При этом направление духовного поиска, осуществляемого платоновскими героями-сиротами, может быть различным, что определяет специфику каждого конкретного сюжета.

Например, для ранних произведений Платонова показательна направленность вовне. Герои пытаются преодолеть сиротство путем переустройства мира с помощью науки и техники. Петер Крейцкопф конструирует «лунную бомбу», надеясь найти истину за пределами Земли, Бертран Перри проектирует строительство судоходного канала, инженер Вогулов осуществляет «перестройку земного шара»³. Однако во всех случаях преобразовательная деятельность, изначально направленная на то, чтобы принести счастье людям, оборачивается катастрофой.

Состояние сиротства характеризует нарушение равноправия не только между человеком и природой, но и между разумом и сердцем в самом человеке. Утратив *сердечное* родство с миром, герои-преобразователи пытаются искусственным образом восстановить его, создав на пользу человечеству идеальный мир силой *мысли*. Наиболее ярко эта ситуация представлена в рассказе «Потомки солнца»: «...Сила любви, энергия сердца хлынула в мозг <...> И мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, — душа другого человека...» (т. 1, с. 40). Подобную ошибку совершают все герои ранних произведений Платонова. Личная трагедия (напри-

мер, потеря возлюбленной), результатом которой становится осознание сиротства, заставляет преобразователей искать внешний способ вернуть утерянные родственные связи. При этом родство понимается героями как некий конкретный, почти материальный объект, который можно найти (хотя бы за пределами планеты, как ищет Крейцкопф) или создать самому (Вогулов). Результаты такого отношения к миру Т. А. Никонова описывает следующим образом: «В подчинении внешнего пространства, в достижении материально обозначенной цели действия героев раннего Платонова могут быть истолкованы как успешные... Однако внешняя цель поглощает самих героев: обозначив в пространстве и времени дистанцию между собой и конечным результатом, герои оказываются в качественно ином пространстве, которое им нечем заполнить, кроме как собой»⁴.

Принципиально иную разработку сюжет сиротства получает в платоновском творчестве второй половины 1920-х годов. Главным героем большинства произведений писателя теперь становится странник. Традиционный для русской литературы мотив странничества, тесно связанный с темой духовного пути человека, поисков истины, вполне естественно включается Платоновым в индивидуальный сюжет сиротства. Так, в отличие от Вогулова, который начал «с малого — с перестройки земного шара», а закончил уничтожением вселенной, «скровленный человек» Фома Пухов обретает искомое родство именно благодаря своему умению слушать мир и «впускать» его в себя. Необходимым условием устранения сиротства становится единение «мысли» и «сердца» в процессе труда. Еще более показателен в дискутируемом плане рассказ «Родина электричества», герою которого удается найти способ избавить село от голода и засухи только после того, как он смог почувствовать горе жителей как свое собственное. Способность к сочувствию оказывается индикатором способности к «природнению» мира. Для героя-сироты, который замыкается в собственных чувствах, достижение родства оказывается невозможным; состояние духовной статики противоречит поиску родства как процессу, подразумевающему внутреннее движение и развитие.

Вот лишь некоторые выразительные иллюстрации к сказанному. «Сербинов сидел молча и слушал прекрасный звон трамваев, которые везут людей друг к другу в гости, мимо теплых летних бульваров; и к Сербинову постепенно приходили слезы жалости к себе, он следил, как слезы разъедали грязь на его щеках, и не зажигал электричества»⁵. Подобные отчужденные герои-сироты понимают цель своей жизни как приобретение, подчинение внешнего мира себе. Сербинов «хотел бы копить людей, как деньги и средства жизни», он ведет учет «прибытков» и «убытков» знакомых людей в особой книге (с. 355). Яков Саввич Еркин (рассказ «Глиняный дом в уездном саду») каждую ночь обходит двор и смотрит, «как спит его добро и никуда не двигается» (т. 2, с. 122). «Коллекционирование» вещей и людей создает иллюзию родства с миром и удобно тем, что не требует того напряжения сил, которое свойственного человеку, находящемуся в состоянии непрерывного духовного поиска. Но зато и жизненный путь таких героев, как Еркин или Сербинов, развивается по нисходящей: родство — сиротство — смерть, причем смерть в данном случае не предполагает дальнейшего воскрешения и является закономерным завершением сюжета.

Совсем по-другому обстоит дело с теми, кто стремится к избавлению от своего сиротства и находит выход в сострадании к другим людям, животным или даже предметам. Это Саша Дванов в романе «Чевенгур», который «сочувствовал любой жизни — слабости хилых дворовых трав и случайному ночному прохожему» (с. 66), безымянный мальчик-сирота («Глиняный дом в уездном саду»), приручавший воробьев, пока у него не было своих детей (т. 2, с. 125), героиня рассказа «Такыр» Джумаль, считавшая ящерицу своей сестрой (т. 2, с. 136). Сюжет в этом случае, как правило, строится по циклической схеме «родство — сиротство — родство». На фабульном уровне жизненный путь такого героя тоже может завершаться смертью (Саша Дванов), однако это не означает конца пути: «Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду — в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец...» (с. 397). Возвращаясь к месту гибели отца, Саша возвращается к родству с ним. Сюжет, таким образом, с одной стороны, замыкается на том, с чего начинался, с другой же — предполагается его дальнейшее метафизическое развитие.

Сюжет сиротства, завершающийся обретением родства, почти всегда предполагает у Платонова победу над смертью. Смерть — явление, с которым платоновские герои не могут примириться, потому что зачастую именно смерть становится причиной их сиротства (умирает отец Саши Дванова, жена Пухова, невеста Вогулова, мать Насти). Смерть в наибольшей степени свидетельствует о том, что изначально существовавшее родство человека с миром утеряно. Даже герой повести «Сокровенный человек» Фома Пухов, склонный объяснять необходимость всех событий жизни тем, что они являются частью природного замысла, при столкновении со смертью испытывает ощущение несправедливости устройства мира: «Конечно, Пухов принимал во внимание силу мировых законов вещества и даже в смерти жены увидел справедливость и примерную искренность. Его вполне радовала такая слаженность и гордая откровенность природы... Но сердце его иногда тревожилось и трепетало от гибели родственного человека и хотело жаловаться всей круговой поручке людей на общую беззащитность. В эти минуты Пухов чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханьем землю, смачивая ее редкими неохотными каплями слез» (т. 1, с. 364).

Преодоление смерти и сиротства оказывается возможным только при условии «сердечного» отношения к миру. Так, в рассказе «Глиняный дом в уездном саду» мальчик-сирота становится «сыном» для старухи, которую бросили ее дети. Внешность старухи Платонов описывает так, словно она уже мертва: «На той кровати всегда сидела лысая старуха и глядела белыми, забытыми глазами в одно пустое место перед собой. По старухе иногда ползали мыши, ее шею ели клопы, но она их плохо чувствовала...» (т. 2, с. 126). Нарочито натуралистично выписанный облик старухи должен бы вызывать отталкивающее чувство. Однако герой стремится к родству с ней именно потому, что видит ее скорую смерть и не может допустить, чтобы старуха умерла в сиротстве. Для самого же мальчика восстановление родства — это не просто интуитивная по-

пытка избежать одиночества, а прежде всего стремление устранить сиротство как онтологическое состояние.

Так и к Пухову приходит внезапное понимание взаимосвязи человеческой жизни с жизнью природы, в которой даже смерть имеет смысл, поскольку предполагает будущее воскресение: «Листья утрамбовывались дождями в почву и прели там для удобрения, туда же укладывались для сохранности семени. Так жизнь скупой и прочно заготавливает впрок. От таких событий у очевидца Пухова слюны на губах показывались, что означало удовольствие» (т. 1, с. 372). Истину, обладание которой способно сделать человека счастливым, воссоединив его с миром в единое органическое целое, Пухов не познает, а, по словам писателя, начинает «нечаянно» чувствовать: «Пухов шел с удовольствием, чувствуя, как и давно, родственность всех тел своему телу. Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза, — нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение» (т. 1, с. 149).

Сомнение, испытываемое Пуховым, в очередной раз противопоставляет его героям раннего Платонова, понимающим родство как некую конечную точку пути человечества, достижение которой сделает дальнейшие искания ненужными, поскольку человек будет иметь все, что ему необходимо для счастья. Сомнение же как средство постижения истины делает процесс духовного поиска бесконечным, что подтверждается циклической схемой самого сюжета сиротства и двойственностью финала. Равнодушная реплика машиниста, свидетельствующая о том, что для него утро, ставшее особенным для Пухова, ничем не лучше остальных, с одной стороны, отсылает к началу повести, к той точке, с которой начинал свой путь Фома. С другой стороны, достигнутое Пуховым родство, как и в случае с главным героем «Чевенгура», предполагает продолжение пути в другом сюжете: «Он тронулся по своей линии... легко превозмогая опустевшее счастливое тело. Пухов сам не знал — не то он таял, не то рождался» (т. 1, с. 396—397).

Родство с миром — глубоко личное чувство, путь к которому у каждого человека индивидуален, идет «по *своей* линии». Именно поэтому попытки Вогулова, Крейцкопфа, героев «Чевенгура» подарить всему человечеству готовое счастье не могут увенчаться успехом. Человек сам должен сделать выбор: идти ли ему по пути усугубления противостояния с миром, бездействовать или пытаться восстановить утраченное родство.

¹ Гастев А. К. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. — М., 1919. — № 9—10. — С. 44—45.

² Яблоков Е. А. Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х — начала 1930-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем: Сб. ст. — М., 1990. — С. 65.

³ Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 36. Далее все произведения Платонова, кроме романа «Чевенгур», цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

⁴ Никонова Т. А. «Чужое» пространство у Платонова // Творчество А. Платонова: Исследования и материалы. — СПб., 2004. — Кн. 3. — С. 17.

⁵ Платонов А. П. Чевенгур / Сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. — М., 1991. — С. 355. В дальнейшем роман цитируется по этому изданию с указанием *страницы* в тексте статьи.

НАШИ АВТОРЫ*

Арасланова (Шубникова) Наталья Тагировна, соискатель кафедры литературы, старший лаборант кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета.

Билибина Инна Александровна, аспирант кафедры истории русской литературы XI—XIX веков Орловского государственного университета, учебный мастер.

Вовчаренко Илья Константинович, сотрудник редакции журнала «Подъем» (Воронеж), аспирант кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Грязнова Анна Юрьевна, аспирант кафедры русской литературы XX века Воронежского государственного университета.

Казанцев Андрей Георгиевич, аспирант кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета.

Кибальниченко Сергей Александрович, редактор отдела общественно-политической жизни «Липецкой газеты».

Ковалева Татьяна Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI—XIX веков Орловского государственного университета.

Ковалев Петр Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX—XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета.

Ковырина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Коротков Николай Владимирович, аспирант кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета.

Молчанова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Воронежского государственного университета.

Никонова Тамара Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века Воронежского государственного университета.

Подоксенов Александр Модестович, доктор философских наук, доцент кафедры философии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, проректор по воспитательной работе Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара.

Расторгуева Вера Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

* Сведения даются на момент проведения конференции (8—10 октября 2009 года).

Сарычев Кирилл Владимирович, аспирант кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Сатарова Людмила Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Слинько Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Тернова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века, старший научный сотрудник Воронежского государственного университета.

Туманова Светлана Рáчиковна, кандидат филологических наук, доцент Российского университета Дружбы народов (Москва).

Углова Наталья Вячеславовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Липецкого института развития образования.

Федотова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тамбовского института повышения квалификации работников образования, докторант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Фролова Анна Васильевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы XX века Воронежского государственного университета.

Чеботарёва Светлана Вячеславовна, научный редактор отдела издательства «Энциклопедия» (Москва), обозреватель газеты «Липецкие известия».

Чурсина Людмила Кузьминична, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Шитакова Наталия Ивановна, аспирант кафедры русской литературы XX—XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета.

Щербакова Елена Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой музыки Коломенского государственного педагогического института, докторант кафедры эстетики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Юнусова Наталья Камильевна, кандидат филологических наук, творческий работник (Москва).

Научное издание

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ:
ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА**

**Материалы Третьей Всероссийской научной конференции
(Липецк, 8—10 октября 2009 года)**

Том II

Подписано в печать 16.05.2011. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № **879**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в редакционно-издательском центре ГОУ ВПО «ЛГПУ»